

**Сборник товарищества
"Знание" за 1906 год**

Книга двенадцатая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С23

С23 Сборник товарищества "Знание" за 1906 год: Книга двенадцатая / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 324 с.

ISBN 978-5-458-52979-2

"Знание", книгоиздательское товарищество в Петербурге в 1898—1913, организованное деятелями Комитета грамотности (К. П. Пятницкий и др.) с культурно-просветительскими целями. Сборники включали произведения М. Горького, А. П. Чехова, А. И. Куприна, А. Серафимовича, Л. Н. Андреева, И. А. Бунина, В. В. Вересаева и др. Печатались также переводы.

ISBN 978-5-458-52979-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

М. ГОРЬКІЙ.

ВЪ АМЕРИКѢ

ОЧЕРКИ

II.

Царство скуки.

Когда приходитъ ночь, на океанѣ вдругъ поднимается къ небу призрачный городъ, весь изъ огней. Тысячи рдѣющихъ искръ раскаленно сверкають во тьмѣ, тонко и четко рисуя на темномъ фонѣ неба стройныя башни чудесныхъ замковъ, дворцовъ и храмовъ изъ разноцвѣтно-горящаго хрусталя. Въ воздухѣ трепещетъ золотая паутина, сплетаясь въ прозрачныя узоры пламени, и замираетъ, любясь своей красотой, отраженной въ водѣ. Сказочно и непонятно это сверканіе огня, который горѣ не уничтожаетъ, и невыразимо прекрасенъ его великолѣпный, едва замѣтный для глаза трепетъ, создающій въ пустынѣ неба и океана волшебную картину огненного города. Надъ нимъ колыхнется красноватое зарево, и вода отражаетъ его очертанія, сливая ихъ въ причудливыя пятна расплавленного золота...

Игра огня рождаетъ странныя мечты: кажется, что тамъ, въ залахъ дворцовъ, въ яркомъ блескѣ пламенной радости, тихо и гордо звучить музыка, которой не слыхалъ никто и никогда. На волнѣ ея стройнаго теченія посятся, точно крылатыя звѣзды, лучшія мысли земли. Въ священномъ танцѣ онѣ соприкасаются одна другой и, ярко вспыхнувъ въ мимолетномъ объятіи, рождаютъ новое пламя, новую мысль.

Кажется, что тамъ, въ мягкой тѣмѣ, на зыбкой груди океана, качается чудесно сотканная изъ нитей золота, цвѣтовъ и звѣздъ большая колыбель; въ ней ночью отдыхаетъ солнце.

Солнце ставитъ человѣка ближе къ правдѣ жизни. Днемъ на мѣстѣ огненной сказки видны только бѣлыя воздушныя зданія.

Голубой туманъ дыханій океана смѣшанъ съ дымомъ города, сѣрымъ и мутнымъ; бѣлыя, легкія зданія окутаны прозрачной пеленой, и въ ней они, подобно мареву, заманчиво дрожатъ, зовутъ къ себѣ и общаются что-то прекрасное и тихое.

Тамъ, сзади, тяжело стоятъ въ тучахъ дыма и пыли квадратные дома города, и несмолкая раздается его ненасытный, голодно-жадный ревъ. Этотъ напряженный звукъ, сотрясающій воздухъ и душу, немолчный вой желѣзныхъ струнъ, тоскливый вопль силъ жизни, угнетаемыхъ силою золота, холодный, насмѣшливый свистъ Желтаго Дьявола—этотъ шумъ гонить прочь отъ земли, раздавленной и загрязненной вонючимъ тѣломъ города. И люди идутъ на берегъ океана, гдѣ стоятъ, общая имъ отдыхъ и тишину, красивыя бѣлыя зданія.

Они тѣсно сомкнулись на длинной, песчаной косѣ, которая, подобно ножу, глубоко и остро вонзилась въ темныя воды. Песокъ блеститъ на солнцѣ теплымъ, желтымъ блескомъ, и на его бархатѣ прозрачныя зданія подобны тонкимъ вышивкамъ изъ бѣлаго шелка. Какъ будто нѣкто пришелъ на остріе косы и погрузился въ волны, бросивъ свои богатые одежды на грудь имъ.

Хочется пойти и прикоснуться къ мягкимъ, ласковымъ тканямъ, лечь на ихъ пышныя складки и смотрѣть въ пустыню, гдѣ безшумно и быстро мелькаютъ бѣлыя птицы, гдѣ океанъ и небо дремотно замерли въ знойномъ блескѣ солнца.

Это называется „Куни Айландъ“.

По понедѣльникамъ газеты города съ торжествомъ извѣщаютъ читателя:

„Вчера на Куни Айландъ было 300000 человѣкъ. Потеряно 23 ребенка“..

Прочитавъ это, каждый думаетъ:

— Значить, тамъ есть что-то!..

Нужно долго вѣхать въ пыли и крикахъ улицъ на трамваѣ по Бруклину и острову Лонгъ Айландъ, прежде чѣмъ передъ глазами явится ослѣпительное великолѣпіе Куни Айланда. И какъ только человѣкъ встанетъ передъ входомъ въ этотъ городъ огня, онъ ослѣпленъ. Въ глаза ему бросаютъ сотни тысячъ холодныхъ, бѣлыхъ искръ, и онъ долго ничего не можетъ разобратъ въ сверкающей пыли; вокругъ него—все слито въ буйный вихрь огненной пѣны, все кружится, блеститъ и увлекаетъ. Человѣка сразу ошеломили, ему раздавили этимъ блескомъ сознаніе, изгнали изъ него мысль и сдѣлали личность кускомъ толпы. Пьяно и безвольно люди идутъ куда-то среди сверканія огней, закрывающаго имъ глаза. Въ мозгъ проникаетъ матово-бѣлый туманъ, жадное ожиданіе окутываетъ душу вязкимъ пологомъ. Пораженная блескомъ, толпа людей вливается чернымъ потокомъ въ неподвижное озеро свѣта, отовсюду сдавленнаго темными берегами ночи.

Вездѣ сухо и холодно сверкаютъ маленькія лампы; онѣ прилѣплены ко всѣмъ столбамъ и стѣнамъ, къ наличникамъ оконъ, карнизамъ; онѣ тянутся ровными линіями по высокой трубѣ электрической станціи, горятъ на всѣхъ крышахъ; онѣ царапаютъ глаза людей острыми иглами безлично-мертвого блеска; люди прищуриваются и, растерянно улыбаясь, медленно идутъ, влачатся по землѣ, какъ тяжелыя звенья запутанной цѣпи...

Человѣку нужно сдѣлать большое усиліе, чтобы найти себя среди толпы, подавленной удивленіемъ, въ

которомъ нѣтъ восторга и радости. И кто находитъ себя, тотъ видитъ, что эти милліоны огней рождаютъ унылый, все раздѣвající свѣтъ и, создавая намеки на возможность красоты, всюду обнажаютъ тупое, скучное безобразіе. Прозрачный издали, сказочный городъ встаетъ теперь, какъ нелѣпая путаница прямыхъ линий дерева, поспѣшная, дешевая постройка для забавы дѣтей, расчетливая работа стараго педагога, котораго беспокоятъ дѣтскія шалости, и онъ желаетъ даже игрушками воспитывать въ дѣтяхъ покорность и смиреніе. Десятки бѣлыхъ зданій уродливо разнообразны, и ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ даже тѣни красоты. Они построены изъ дерева, намазаны облупившеюся бѣлой краской и всѣ точно страдаютъ однообразной болѣзнью кожи. Высокія башни и низенькія колоннады вытянулись въ двѣ мертвенно ровныя линіи и безвкусно тѣснятъ другъ друга. Все раздѣто, ограблено безстрастнымъ блескомъ огня; онъ—всюду, и нигдѣ нѣтъ тѣней. Каждое зданіе стоитъ, точно удивленный дуракъ, широко раскрывъ ротъ а внутри него облако дыма, рѣзкіе вопли мѣдныхъ трубъ, вой органа и темныя фигуры людей. Люди ѣдятъ, пьютъ, курятъ.

Но человѣка не слышно. Въ воздухѣ течетъ ровной струей шипѣніе огня въ фонаряхъ, носятъ лохмотья музыки, нищенское пѣніе деревянныхъ дудокъ, органовъ и тонкій, непрерывный свистъ жаровень. Все это сливается въ назойливое гудѣніе какой-то невидимой толстой, туго натянутой струны, и если въ этотъ непрерывный звукъ вторгается человѣческій голосъ, онъ кажется испуганнымъ шопотомъ. Все вокругъ нагло блестятъ, обнажая свое скучное уродство...

Душу крѣпко обнимаетъ пламенное желаніе живого, краснаго, цвѣтущаго огня, чтобы онъ освободилъ людей изъ плѣна пестрой скуки, сверлящей уши и ослѣпляющей глаза... Хочется поджечь всю эту прелесть и бѣшено весело плясать, кричать и пѣть въ

буйной игрѣ разноцвѣтныхъ языковъ живого пламѣни, на сладострастномъ пирѣ уничтоженія мертваго великолѣпія духовной нищеты...

Людей въ плѣну этого города—дѣйствительно сотни тысячъ. На всей его огромной площади, тѣсно застроенной бѣлыми клѣтками, во всѣхъ залахъ зданій они толпятся, какъ тучи черныхъ мухъ. Беременные женщины самодовольно несутъ тяжесть своихъ животовъ. Дѣти идутъ, молчаливо раскрывъ рты, и ослѣпленными глазами смотрять вокругъ такъ напряженно и серьезно, что ихъ до боли жалко за этотъ взглядъ, питающій ихъ душу уродствомъ, которое они берутъ за красоту. Бритыя лица мужчинъ, безусыя, странно похожія другъ на друга, солидно неподвижны. Большинство привели сюда женъ и дѣтей и чувствуютъ себя благодѣтелями своихъ семействъ, которымъ они даютъ не только хлѣбъ, но и великолѣпныя зрѣлища. Имъ самимъ тоже нравится этотъ блескъ, но они слишкомъ серьезны для того, чтобы выражать свои ощущенія; поэтому они однообразно сжали тонкія губы и, прищуривъ глаза, смотрять исподлобья, какъ люди, которыхъ ничѣмъ не удивишь. Но подъ этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ зрѣлаго опыта чувствуется напряженное желаніе извѣдать всѣ наслажденія города. И вотъ солидные люди, пренебрежительно усмѣхаясь и скрывая довольный блескъ свѣтлыхъ глазъ, садятся верхомъ на спины деревянныхъ лошадокъ и слоновъ электрической карусели, садятся и, болтая ногами, съ трепетомъ ждутъ остраго удовольствія помчаться по рельсамъ, ухая валетѣть вверхъ и со свистомъ опуститься внизъ. Совершивъ это тряское путешествіе, всѣ снова туго натягиваютъ кожу на лицѣ и идутъ къ другимъ наслажденіямъ...

Удовольствія безчисленны: вотъ на вершинѣ желѣзной башни медленно качаются два длинныя бѣлыя

крыла; на концахъ крыльевъ висятъ клѣтки; въ клѣткахъ—люди. Когда одно изъ крыльевъ тяжело вѣсѣетъ на небу, лица людей въ клѣткахъ становятся тоскливо серьезны, и всѣ они одинаково напряженно и молчаливо смотрятъ круглыми глазами на землю, уходящую отъ нихъ. А въ клѣткѣ другого крыла, которое въ это время осторожно опускается внизъ, лица людей цвѣтутъ улыбками и раздаются довольныя взвизгиванія. Этотъ звукъ странно напоминаетъ радостный визгъ щенка, когда его опустишь на полъ, подержавъ на воздухѣ за кожу шеи.

Вокругъ вершины другой башни летаютъ въ воздухѣ лодки; третья, вращаясь, двигаетъ какіе-то баллоны изъ желѣза; четвертая, пятая—всѣ онѣ двигаются, пылаютъ, зовутъ безмолвнымъ крикомъ холоднаго огня. Все качается, взвизгиваетъ, гремитъ и кружитъ головы людей, дѣлая ихъ самодовольно скучными, утомляя ихъ нервы путаницей движеній и блескомъ огня. Свѣтлые глаза становятся еще свѣтлѣе, какъ будто мозгъ блѣднѣетъ, теряя кровь въ странной суетѣ благаго, сверкающаго дерева. И кажется, что скука, издыхая подъ гнетомъ обращенія къ себѣ самой, кружится, кружится въ медленной агоніи и вовлекаетъ въ свой унылый танецъ десятки тысячъ однообразно черныхъ людей, считая ихъ, какъ вѣтеръ—соръ улицъ, въ безвольныя кучи и снова разбрасывая, и снова считая...

Внутри зданій людей ждуть тоже наслажденія, но они серьезны, они воспитываютъ... Здѣсь людямъ показываютъ адъ, со всѣми его строгими порядками и разнообразіемъ мученій, которыя ждуть людей, нарушающихъ святость законовъ, созданныхъ для нихъ...

Адъ сдѣланъ изъ папье-маше, окрашеннаго въ темнокрасный цвѣтъ; все въ немъ пропитано огнеупорнымъ составомъ и густымъ, грязнымъ запахомъ ка-

кого-то жира. Адъ очень скверно сдѣланъ,—онъ способенъ вызвать отвращеніе къ себѣ даже у человѣка скромнаго и нетребовательнаго. Онъ представляетъ собой пещеру, хаотически заваленную камнями и наполненную красноватымъ сумракомъ. На одномъ изъ камней сидитъ Сатана въ красномъ трико, искажая разнообразными гримасами свое худое, коричневое лицо, потираетъ руки, какъ человѣкъ, который сдѣлалъ выгодное дѣло. Ему, должно быть, очень неудобно сидѣть,—бумажный камень трещитъ и качается, но онъ будто-бы не замѣчаетъ этого, наблюдая, какъ внизу, у его кривыхъ ногъ, черти расправляются съ грѣшниками.

Вотъ дѣвушка купила новую шляпку и смотритъ на себя въ зеркало, довольная и веселая. Но сзади къ ней подкрадывается пара небольшихъ, видимо очень голодныхъ чертей; они схватываютъ ее подъ мышки, она визжитъ, но—поздно!—Черти кладутъ ее въ длинный, гладкій жолобъ, который круто опускается въ яму среди пещеры; изъ ямы идетъ сѣрый паръ, поднимаются языки огня, сдѣланнаго изъ красной бумаги, и дѣвушка, вмѣстѣ съ зеркаломъ и шляпой, съѣзжаетъ на спинѣ по жолобу въ эту яму...

Молодой парень выпилъ стаканъ водки,—черти немедленно спускаютъ и его туда-же, подъ полъ сцены.

Въ аду душно; черти мелки и слабосильны; они, видимо, страшно утомлены своей работой, ихъ раздражаетъ ея однообразие и очевидная бесполезность, поэтому они не церемонятся съ грѣшниками, бросая ихъ въ жолобъ, точно полѣнья. Смотришь на нихъ и хочется крикнуть:

— Довольно глупости! Бастуй, ребята!..

Дѣвица вытащила нѣсколько монетъ изъ кошелька своего собесѣдника,—и въ тотъ же мигъ шпионы-черти расправляются съ ней, къ удовольствію Сатаны, который радостно болтаетъ ногами и гнусаво хихикаетъ. Черти сердито косятся на бездѣльника и озлоб-

ленно швыряють въ пасть огненной ямы всѣхъ, кто случайно, по дѣлу или изъ любопытства заходить въ адъ...

Публика смотритъ на эти страсти молча и серьезно. Въ залѣ—темно. Какой-то здоровый парень съ курчавой головой и въ толстомъ пиджакѣ густымъ, угрюмымъ голосомъ говоритъ рѣчь, указывая рукой на сцену.

Въ своей рѣчи онъ утверждаетъ, что если люди не хотятъ быть жертвами Сатаны въ красномъ трико съ кривыми ногами, они должны знать, что нельзя цѣловать дѣвушекъ, не обвинчавшись съ ними, потому что отъ этого дѣвушки могутъ сдѣлаться проститутками; нельзя цѣловать молодыхъ людей безъ разрѣшенія церкви, потому что отъ этого могутъ родиться мальчики и дѣвочки; проститутки не должны воровать деньги изъ кармановъ своихъ гостей; всѣ вообще люди не должны пить вино и прочія жидкости, возбуждающія страсти; всѣ они должны посѣщать не трактиры, а церкви: это полезнѣе для души и дешевле стоить...

Говоритъ онъ однотонно, скучно и, должно быть, самъ не вѣритъ, что нужно жить именно такъ, какъ ему велѣли проповѣдывать.

И невольно восклицаешь по адресу хозяевъ исправительнаго увеселенія для грѣшниковъ:

— Господа! Если вы желаете, чтобы мораль дѣйствовала на душу человѣка хотя-бы съ силою касторового масла, проповѣдникамъ морали надо больше платить!

Въ заключеніе этой страшной исторіи, изъ угла пещеры является до отвращенія красивый ангелъ. Онъ повѣшенъ на проволоку и двигается въ воздухѣ черазъ всю пещеру, держа въ зубахъ деревянную дудку, оклеенную золотой бумагой. Сатана, увидавъ его, ныряетъ, подобно ершу, въ яму вслѣдъ за грѣшниками, раздается трескъ, бумажные камни валятся другъ